

К 40 годам, менее чем за 20 лет своей медицинской, преподавательской и коммерческой деятельности, Григорий Захарьин стал столь состоятельным человеком, что мог двухгодичное жалование профессора пожертвовать на благотворительность. Свой капитал он обрёл не только благодаря медицинской практике. Но... обо всём по порядку.

Первые шаги

Родился Григорий Захарьин 185 лет назад в Пензе, где, кстати говоря, городская клиническая больница сейчас тоже носит его имя.

Отец Захарьина был небогатым помещиком. Наибольшую роль в формировании и выборе жизненного пути мальчика сыграла семья матери – дочери переехавшего из Германии в Россию в начале XIX века врача Григория Ефимовича Геймана.

Поступив в 1847 г. в МГУ, Григорий сам оплачивал своё образование и проживание на вольной квартире. Биографы Захарьина не исключают личной и финансовой поддержки молодого человека его дядей Родионом Гейманом и в годы учёбы, и после окончания университета, в частности, в его протекции племянника на должность ассистента терапевтического отделения факультетской клиники.

В 1852 г. Захарьину был выдан аттестат об окончании Московского университета с такими словами: «...утверждён в степени лекаря с предоставлением ему права по защите диссертации получить без экзаменов степень Доктора Медицины». А спустя год, в 1853 г. он написал 90-страничный труд и защитил диссертацию «Учение о послеродовых болезнях» с посвящением «Родиону Григорьевичу Гейману... высокоуважаемому дяде в знак искренней любви и истинной благодарности». После таких слов вы сами можете сделать вывод о роли дяди Родиона в становлении племянника.

Сначала Захарьин на два года остался ассистентом в университетской клинике профессора А.И.Овера. Кроме обретения клинического опыта (профессор Александр Иванович Овер был учеником Матвея Яковлевича Мудрова) Захарьин перевёл на русский язык и опубликовал в «Московском врачебном журнале» статьи Мишеля Фуко, Рудольфа Вирхова и других европейских учёных.

Он не вернулся к родителям в Поволжье по истечении определённого правилами срока ассистентской работы на кафедре и не стал практикующим врачом, а поехал стажироваться за границу.

Обучение Захарьина в Европе вместо запланированных 2 лет переросло в 3. В Берлине, Париже, Вене Григорий Захарьин вместе с Сергеем Боткинским учился у Рудольфа Вирхова (основоположника клеточной теории в медицине), Людвиг Траубе (основателя экспериментальной патологии), Клода Бернара (основоположника современной физиологии и экспериментальной патологии), профессора терапии Йозефа Шкоды. Под руководством европейских светил он написал несколько научных работ по гематологии и физиологии человека. Они, как и его последующие научные труды, были переведены на несколько языков.

Из Европы Захарьин вернулся уже не робким юношей, а известным, уверенным в себе врачом. Он активно включился в клиническую и преподавательскую работу, не пропуская заседания Московского физико-медицинского общества, где периодически

ски демонстрировал свои клинические наблюдения. Вся Москва заговорила о докторе, умеющем лечить разные недуги.

Непревзойдённый лектор

Григорий Антонович ежедневно смотрел больных, вникал в лечебные, административные и хозяйственные вопросы, став в 1864 г. профессором и директором факультетской терапевтической клиники Московского универ-

Врачебное искусство

Клиническое мышление профессор ставил выше дополнительных методов исследования, что принципиально отличало его московскую терапевтическую школу от петербургской школы и подхода к пациенту профессора Сергея Петровича Боткина, с которым Захарьин конкурировал всю свою жизнь.

Он был большим специалистом в сборе анамнеза. Одним из самых удачных считал высказывание

«В Москве врачей много: есть плохие, есть очень хорошие, кому не нравится моя оценка своего труда и досуга – пусть лечатся у других. Для бедных есть клиники, бесплатные лечебницы, и я не желаю отдавать свои силы и время на благотворение; я не могу лечить всю Москву!» Ему приписывают и следующее высказывание: «Врач должен быть независимым не только как поэт, как художник, но выше этого, как деятель, которому доверяют самое дорогое – здоровье и жизнь».

С коллегами, студентами, пациентами, с простыми людьми он мог быть крайне нетерпимым и несдержанным. Например, при несогласии с диагнозом в присутствии пациента униженно отсылали о врача, его поставившем.

На пике своей карьеры Захарьин рассорился с большинством профессоров и коллег на факультете (в том числе с Н.В.Склифосовским) из-за несогласия во мнениях, считая себя правым во всём.

Его причисляли к «московским

Имена и судьбы

Странный доктор

100-летие Московской клинической туберкулёзной больницы № 3 – повод вспомнить о выдающемся терапевте Григории Захарьине, имя которого она носит. Он оставил после себя терапевтическую школу, большое состояние и много толков

Памятная доска в клинике на Девичьем поле. Москва, скульптор И.Новиков, 2005

ситета. Он был непревзойдённым лектором. По 2 часа в день (кроме воскресений) читал лекции с демонстрацией пациентов. Говорят, что среди западноевропейских лекторов не уступал ему лишь один из основоположников современной невропатологии и психотерапии Жан-Мартен Шарко, но тот читал одну лекцию в неделю.

В течение 35 лет лекторской деятельности профессора Захарьина студенты-медики не отрываясь слушали этого невысокого, сухощавого, преобразившегося при чтении лекции доктора: каждому казалось ясным всё то, о чём он говорил, столь убедительным и доказательным было всё, к чему он приходил в своих заключениях.

Будучи студентом медицинского факультета Московского университета, восхищался ораторским талантом Захарьина и Антон Чехов. Правда, когда будущий драматург читал позже изданный профессором двухтомник «Клинические лекции», он отметил, что «талантливые педагоги и ораторы не всегда могут быть способными писателями»: в письменном варианте «...есть либретто, но нет оперы».

Преподавание Захарьина было индивидуальным. Он не раз напутствовал коллег, что «нужно читать лекции так, чтобы средний студент вынес с каждой лекции и навсегда зафиксировал как можно больше полезного – того, чего он не узнает из книг и даже от других преподавателей» (Н.Голубов).

английского философа Фрэнсиса Бэкона: «Врачебное искусство целиком заключается в наблюдении».

Его медицинские успехи огромны. Захарьину принадлежит разработка и изучение клинической симптоматики сифилиса, инфекционной этиологии желчно-каменной болезни, защитной роли лихорадки для больного, разработка показаний и противопоказаний к применению минеральных вод, клинических проявлений туберкулёза лёгких. Благодаря Григорию Захарьину в дорентгеновский период врачи узнали, что такое очаговый верхушечный и острый

милиарный туберкулёз, ранний инфильтрат и казеозная пневмония, хроническая кавернозная чахотка и туберкулёзный плеврит.

Имя Захарьина сегодня часто вспоминают клиницисты и рефлексотерапевты, говоря о зонах Захарьина – Геда: повышенной кожной чувствительности или болезненности при определённой патологии внутренних органов, которую Захарьин обнаружил в 1883 г. (а через 15 лет – английский врач Гед).

Сторонник дифференциации в медицине, Захарьин выделил в Московском университете самостоятельные курсы педиатрии, гинекологии, нефрологии, был инициатором создания отдельных профильных клиник.

Он был принципиальным противником назначения сложных лекарственных смесей, выступал за отказ от шаблонов в лечении и за строгую индивидуальность терапевтических мероприятий, был противником некритического переноса опыта европейской медицины на русскую почву, ставил цель направить русскую медицину по своему пути.

Коммерческий талант

Свой труд Захарьин оценивал высоко, за что его часто упрекали: особенно, если получив крупный гонорар, он ограничивался одним назначением пациенту соответствующего режима. Из разговора Захарьина с Иваном Мечниковым:

Современники в разговорах и в прессе отмечали, что лечиться у Захарьина человеку среднего достатка – сродни разорению и как пример бескорыстия приводил Сергея Петровича Боткина, отказывавшегося от гонораров, бесплатно лечившего неимущих больных. Захарьин на подобные упреки отвечал так: «Если не угодно, пускай идут в бесплатные лечебницы. Адвокаты Плевако и Спасович за трёхминутную речь в суде дерут десятки тысяч рублей, и никто не ставит им это в вину. А меня клянут на всех перекрёстках! Хотя жрецы нашей адвокатуры спасают от каторги заведомых подлецов и мошенников, а я спасаю людей от смерти».

Он любил и знал медицину. Любил и почитал славу. Любил и ценил деньги.

Захарьин наблюдал за здоровьем влиятельных особ Москвы, среди которых был возглавляющий тогда Московскую еврейскую общину миллионер Лазарь Поляков. Известный банкир в долгу не оставался: с успехом помещал деньги Захарьина в свои коммерческие и земельные банки. В конце XIX века с помощью этих вложений Захарьин купил, кроме поместья в родной области Пензенской области, ещё и Подмосквовую усадьбу Куркино площадью 30 десятин, что эквивалентно почти 33 гектарам земли.

Надо сказать, что это были не первые обретения Захарьина. Покупка в кредит в 1864 г., в начале врачебной карьеры, имения в Орловской губернии по соседству с родовым имением жены позволила ему получить дворянский титул, что для финансовых магнатов того времени было крайне необходимо.

Ещё раньше, сразу после бракосочетания и венчания в апреле 1862 г. с дочерью средней руки помещика Орловской губернии дворянкой Екатериной Апухтиной Захарьин купил недалеко от Сухаревой башни, на Мещанской улице (ныне проспект Мира, 20), двухэтажный каменный особняк.

Учитывая, что финансовую помощь Захарьин не мог получить ни от отца, ни от родителей жены, факты его приобретений говорят о врождённой коммерческой жилке, которую он сумел развить до таланта.

Парадоксы личности

В 1894 г. Григорий Захарьин стал лейб-медиком Александра III, но в императорском дворце вёл себя весьма странно. Императору не всё нравилось в поведении учёного. Что уж говорить об осталь-

оригиналам», но закончилось сумасбродство профессора бойкотом студентов и отстранением ведущего терапевта Москвы от преподавания. Захарьина ценили как врача и лектора, но черты характера и чудаковатость, усугубляющаяся с годами, делали его характер невыносимым.

О странностях известного московского доктора говорили в кулуарах, в университетских коридорах и ординаторских, писали в медицинских журналах того времени. Многие отмечали, что вежливым или нейтральным он всегда был по отношению лишь к равным себе по социальному положению или вышестоящим.

«Захарьинская» больница

Всё своё состояние умерший от инсульта Захарьин оставил сыну Сергею, который пережил отца менее чем на 10 лет. После смерти Сергея Захарьина его мать и сестра (жена и дочь Григория Захарьина) решили построить в своём имении Куркино клинический и научный центр Московского университета, которому посвятил свою жизнь Григорий Антонович. Архитектурный проект «Больнично-памятника, больницы-мавзолея, больницы-произведения искусства» выполнил по заказу родственников Григория Захарьина Игорь Грабарь.

В 1911 г. был заложен первый камень больницы. А в 1914 г. здесь развернулся военный госпиталь (шла Первая мировая война). От этой даты идёт история больницы в Куркино, 100-летний юбилей которой отмечается в этом году. После Октябрьской революции – хирургический санаторий, в 1921 – стационар для больных туберкулёзом – филиал Центрального НИИ туберкулёза, в 1930 г. – санаторий этого института. В 1941 г. на базе больницы в Куркино был развернут хирургический эвакогоспиталь, который в 1942 г. был реорганизован в городскую клиническую туберкулёзную больницу.

В 1998 г. многопрофильной туберкулёзной больнице № 3 присвоено имя Григория Антоновича Захарьина, и среди москвичей она чаще всего сегодня зовётся «захарьинской». В 700-коечной больнице, оказывающей сегодня фтизиатрическую и хирургическую помощь пациентам с туберкулёзом, а также с сочетанной патологией туберкулёз/ВИЧ-инфекция, накоплен большой научный и клинический опыт.

Татьяна МОХРЯКОВА,
врач.

Фото автора.